

Научная статья
УДК 821.161.1+82.0
doi: 10.17223/19986645/81/11

«В ожидании парома» Д.В. Григоровича: рефлексия и нарратив

Алексей Евгеньевич Козлов¹

¹ *Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия, alexey-kozlof@rambler.ru*

Аннотация. В аспекте нарративной организации текста и авторской рефлексии изучается структурная организация очерка Д.В. Григоровича «В ожидании парома». Текст рассматривается в контексте повествовательной традиции русской литературы, анализируется дискурсивный и метаповествовательный потенциал произведения. Статья подготовлена к 200-летию юбилею писателя, чье литературное наследие по-прежнему требует комментария и исследовательской рефлексии.

Ключевые слова: русская литература, Григорович, очерк, вторичность и альтернативность, рефлексия и нарратив

Источник финансирования: исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 21-78-00011.

Для цитирования: Козлов А.Е. «В ожидании парома» Д.В. Григоровича: рефлексия и нарратив // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 81. С. 209–224. doi: 10.17223/19986645/81/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/81/11

Storytelling, reflection and narration in Dmitry Grigorovich's essay "Waiting for the Passage-Boat"

Alexey E. Kozlov¹

¹ *Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, alexey-kozlof@rambler.ru*

Abstract. The article analyses the essay "Waiting for the Passage-Boat" (1857) by the Russian writer and publicist Dmitry Vasilyevich Grigorovich. The essay was published in the magazine *Sovremennik* ("Contemporary"), and its publication seemed to draw a line under the discussion of the slavery and serfdom question in Russian magazines. Grigorovich's prose played a role in this discussion. Grigorovich was one of the first writers of Russian realism (the so-called "natural school") and tried to move away from the theatre vaudeville and sentimental images of Russian peasants in his novellas *The Village* and *Anton-Goremyka*. His subsequent texts on peasant themes, written during the "gloomy seven years",

varied the source material, sometimes showing a movement towards melodrama. The article offers a variant of a narratological and hermeneutic reading of the essay in the aspect of reflection and narration. In the author's opinion, Grigorovich demonstrates the exhaustion of the peasant theme in literature, using the technique of multiple storytelling (from Hoffmann's *Serapion Brothers* or Odoevsky's *Russian Nights*). This becomes most obvious at that moment of the narrative, when the "right to voice" passes to casual interlocutors, while the narrator, correlated with the writer, loses this right. He is not recognized as the author of stories in his environment and takes the passive role of a listener. The use of allusions, reminiscences (from Karamzin, Radishchev, Mérimée, de Prevoist), and auto-quotation creates "noise" in the communication channel, making it difficult to perceive these stories as "bitter truth" (Stendhal), at the same time convincing the reader of the impossibility of finding an adequate description language for peasant everyday life. In this regard, Grigorovich's position coincides with that of Honoré de Balzac in the introduction to his *Les Paysans* or of Pavel Annenkov that was declared in his main article: you can expect a lot of pleasure from the expression in art of the course of common life, many pictures, original faces, excellent descriptions, but hardly real knowledge of this course as a subject for discussion and conclusion. Yet many of the writers and a very large number of readers have in mind this latter goal; but it is the same as judging about the height of the people who built the Egyptian pyramid by the pyramid's height. This epistemological impossibility is illustrated in Grigorovich's essay: the nobles and the peasant world exist in parallel. Thus, interlocutors do not feel empathy, and the purpose of conversation is not to change reality, but to spend time. Thus, the conversation of the nobles can be correlated with the Socratic dialogue, in which the possibility of the maieutic acquisition of truth is not realized due to the failure of communication. The arrival of the passage-boat demonstrates the inconsistency and exhaustion of conversations about people's happiness, becomes a marker of such a failure. The article is illustrated with fragments of critical articles and epistolary works by Grigorovich, whose 200th anniversary inspires researchers to search for the latest interpretations and update the ways of reading the writer's texts. Results and observations that are presented in the article can be used in teaching the history of 19th-century Russian literature.

Keywords: Russian literature, Dmitry Grigorovich, essay, secondariness and alternativeness, reflection and narrative

Financial support: The research was funded by the Russian Science Foundation (RSF), Project No. 21-78-00011.

For citation: Kozlov, A.E. (2023) Storytelling, reflection and narration in Dmitry Grigorovich's essay "Waiting for the Passage-Boat". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 81. pp. 209–224. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/81/11

В творчестве Д.В. Григоровича, как большинства беллетристов поколения 40-х гг. XIX в., можно выделить две конкурирующие и детерминированные социально темы: светскую и крестьянскую [1–4]. Последняя со временем становится «визитной карточкой» писателя, демонстрируя характерную для русской литературы проблему: образованный писатель становится «свидетелем» народной жизни, выступая своего рода этнографом,

демонстрирующим народность как часть чужого и непонятого мира¹. На это свойство повествовательной прозы Григоровича как на недостаток неоднократно указывала критика «Москвитянина», находя в рецензируемых произведениях искажение *первообраза*:

Главный недостаток г. Григоровича состоит в том, что он не успел еще настоящим образом усвоить себе характер простонародного быта; в его приемах много еще искусственного и ложного, он смотрит на простолюдина несвободными глазами, т.е. берет от него не то, что тот может дать, а ищет часто то, чего бы мы и не пожелали в нем найти. Из этих непрямых отношений к быту выходит дело такого рода: встречается г. Григоровичу в крестьянской жизни событие не только полное, но, можно сказать, обремененное драматизмом; художнику оставалось бы только уловить пружины этой лишенной эффектов драмы и выразить их с приличной делу выпуклостью. Тут нет нужды прибегать к помощи посторонних обстоятельств и драматизировать событие извне, французскими средствами. А г. Григорович не удовлетворяется действительной драмой события, он как будто опасается за его важность и часто насильственно вводит в него неприличные ему стихии, принадлежащие совершенно другой области. Можно подумать иногда, что г. Григорович изыскивает в крестьянской жизни такие черты, которые напоминали бы собою жизнь цивилизованную и, так сказать, возвышали бы простолюдина до образованного человека; тогда как занимательность дела не в том, чтобы наши черты ловить в быту крестьянском, а наоборот: чтобы правильным изображением черт, свойственных исключительно простолюдину, будить в нас представление о нашем первообразе и способствовать окончательному освобождению от вредных крайностей чуждого влияния, осмеянных Кантемиром, Фонвизиным, Грибоедовым, Гоголем [9. С. 83].

Отмеченное свойство не было исключительным «дефектом» прозы Григоровича (несмотря на нарушающие этику намеки редакции на неподлинно русское, французское происхождение писателя и близкие к инвективе указания на недостаточное владение русским языком²). Как отметил

¹ Сходным, при разнице экономических формаций, было понимание народного мира в европейской литературе. Бальзак, назвавший «Крестьян» («Les Paysans») исследованием, так писал о своей писательской миссии: «Задача моего произведения (которое не перестанет действовать своей ужасающей правдивостью, до тех пор пока общество будет возводить филантропию в принцип, вместо того чтобы признать ее случайным явлением) – это рельефное изображение типичных фигур простонародья, забытого столькими писателями в погоне за новыми сюжетами» [5. С. 303] («Le but de cette étude, d'une effrayante vérité, tant que la société voudra faire de la philanthropie un principe, au lieu de la prendre pour un accident, est de mettre en relief les principales figures d'un peuple oublié par tant de plumes à la poursuite de sujets nouveaux»). По справедливому замечанию А. Вдовина, в таком восприятии народного мира решающую роль сыграла философия Ж.Ж. Руссо (с цитаты которого начинается роман Бальзака) [6]. Добавим к этому значение естественно-научных трудов Ж. Сент-Илера, позволяющих увидеть изоморфизм народной и светской жизни [7, 8].

² Отметим, что в цитируемой статье А. Григорьев, разбирая «Смедовскую долину», упрекает Григоровича в использовании *замашек французской литературы*, тенденциозно возводя это в *народный недостаток*. Осуждая писателя за калькированность сюжетных ситуаций, приемов и даже выражений («Слово *бедняк* решительно переведено

спустя два года в статье «Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году»¹ П.В. Анненков, «от передачи в искусстве хода простонародной жизни можно ожидать много наслаждения, много картин, оригинальных лиц, превосходных описаний, но вряд ли настоящего познания его как предмета для обсуждения и заключения. А между тем многие из писателей и весьма большое число читателей имеют в виду именно эту последнюю цель; но это все равно, что *по вьшине египетской пирамиды судить о росте людей, построивших ее*»² [12. С. 11]. В последнем предложении, на наш взгляд, сформулирована проблема, определяющая специфику изучения произведений, объединенных темой народного быта: при однородности, гомогенности фабульных ситуаций (так называемого *рассказанного события*, или *истории*), подлинно гетерогенными оказываются стиль и язык, маркирующие коммуникативную ситуацию (т.е. *событие рассказывания*, или *рассказ*) и позицию рассказчика³. В этом аспекте дискурсивное

с французского» [9. С. 843), рецензент смягчал свой тон в последнем абзаце: Григорович помещал свои произведения не только в «Современнике» и «Отечественных записках», но и в «Москвитяине», а в этом отношении «нельзя не уважать того, с кем связан любовью к одному и тому же предмету» [9. С. 84]. Следует отметить, что Григорович не был равнодушен к таким оценкам. В одном из писем к И.И. Панаеву он замечает: «...все это писано под влиянием Островского, этого страшного авторитета шайки «Москвитянина», а Островский находится в свою очередь под влиянием Одоевского, которому, как сказывают злые языки – обязан он всеми своими комедиями» [10].

¹ Анализируя произведения Потехина, Григоровича, Авдеева и др., Анненков отстранялся от социального аспекта, усматривая общий эстетический дефект таких произведений, заключающийся в некорректном и ложном языке описания [6]. Статья стала программной, не только обобщив подходы к изображению народной жизни в литературе 1840-х гг., но и во многом предвосхитив тенденции (в том числе неудачные) беллетристики «народнического направления» 1860–1870-х гг. [11].

² Здесь и далее курсив наш. – А.К.

³ Так, например, рецензент «Отечественных записок», высоко оценив «Смедовскую долину», в то же время крайне негативно описывал предыдущие произведения Григоровича: «...не нужно много времени, чтобы притупить вкус к совершенно однообразным блюдам... Бедный мужичок, бедная старушка, бедный мальчик, бедная девочка, бедная лошадка, бедный песик, бедная избушка, продранные лаптишки... В самом деле, все эти бедные предметы, если встретишь в одном рассказе, а потом в другом, то в третьем не захочешь и встречать их. А всего досаднее то, что все они плачут, или говорят так, как будто плачут. Плачет и мужичок, мычит и коровка, стонет и песик, грустит и березка, скрипит и сосенка. Конечно, плакать можно в повестях, потому что ведь плачем же мы иногда в жизни – но плакать всю дорогу туда, как делает “Мать”, которая ведет свою “Дочь” к знахарю, плакать всю дорогу туда и обратно, и основать рассказ на том, что старуха плакала, идя под гору, плакала старуха, идя на гору, плакала старуха, сидя на перевозе – воля ваша, а наконец эта старуха надоедает вам, как нищие мальчишки, которые иногда стоят на коленях на улице, и как только завидят вас издали, тотчас же мгновенно повергаются ниц, прикладывают свой лоб к плите, жалуются тротуару на свою несчастную участь и глядят на вас маковкой своей головы. Вы думаете, что они так кланяются и поверяют свое горе вам только – нет; они делают то же всем и каждому, делают сегодня, завтра и послезавтра, – и вы наконец перестаете им верить. Так точно перестаете верить и всем жалостным лицам в мелких рассказах г. Григоровича

и нарратологическое изучение подобных текстов [15–17] представляется приоритетным; кроме того, оно может стать объединяющим для собственно художественных жанров (рассказа, повести, романа) и публицистических (очерка, фельетона, обозрения). Именно в таком аспекте мы рассмотрим далее очерк «В ожидании парома» (1857).

Следует оговориться, что этот текст неоднократно становился предметом исследовательских разысканий [1–4, 17–19]. Кроме текстологического изучения, истории его создания, в поле зрения литературоведов оказывался контекст появления произведения. Действительно, написанный и опубликованный за четыре года до отмены крепостного права, в начале нового царствования, очерк злободневен и заострен социально: в нем как бы отразилась историография «русского рабства» от А.Н. Радищева до Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева. Однако наряду с социально-экономической повесткой очерк демонстрирует разные стилевые традиции и сюжетные валентности, изучение которых позволяет говорить как о публицистической полемичности, так и о художественном эксперименте.

Сюжет обрамляет ситуация, неоднократно использованная современниками Григоровича, – пересечение реки на пароме. Наряду с эмпирическим значением такого действия очевиден и его мифопоэтический смысл: река эквивалентна границе, отделяющей прошлое и будущее, мир живых и мир мертвых [20, 21]. Именно в этом значении сюжет используется при описании ссылки А.И. Герценом в «Записках одного молодого человека» и М.Е. Салтыковым-Щедринным в «Губернских очерках» [21]. В обоих случаях рассказчик – это молодой человек, предпочитающий не говорить прямо о причинах своего изгнания и не имеющий, подобно романтическому герою, местной идентичности. Григорович, обращаясь к этой модели, корректирует ее.

В его очерке светский человек, помещик, путешествующий по собственной надобности, оставляет серию нарочито неотделанных набросков. В центре повествования оказывается не переправа, символически связанная с обретением нового мира / схождением в антимир и даже не пересечение границы, ведущее к таковому, а серия рассказов, одновременно заключающих происходящее в пределы опознаваемых дискурсов и корректирующих читательские ожидания.

С первых страниц рассказчик демонстративно отстраняется от мира «горемык», «бобылей» и «пахарей», представая в нескольких ипостасях: 1) странствующего дворянина (помещика); 2) логика, ставящего под сомнение социальные закономерности; 3) молчаливого слушателя. Первый

после первой, второй, третьей, четвертой с ним встречи» [13. С. 67–68]. «Смедовская долина», с точки зрения рецензента, отличалась именно мастерством рассказывания. В письме к А.А. Краевскому Григорович писал о дальнейших планах, задавая недоуменный вопрос: «Пишу теперь роман в Современник из простонародного быта(за что отдалел меня так жестоко рецензент “Отечественных записок” за простонародные рассказы?)» [14].

регистр связан с путевой прозой и ее частными беллетристическими изводами:

Мы едва тащились. Время от времени попадались подводы с мукою, которые безнадежно бились посреди дороги; мы подсобляли им карабкаться и продолжали путь, чтобы полверсты далее засесть, в свою очередь, и ждать, пока не выручат оставшиеся позади и только что нами же вырученные люди. В таком обмене услуг заключались, можно сказать, путевые впечатления и развлечения [22. С. 48].

Знаменательно, что традиция развернутого описания внешнего мира здесь корректируется в духе «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова, рассказа М.В. Авдеева «Горы», очерков М.Е. Салтыкова-Щедрина. Так называемые *впечатления* и *развлечения* редуцированы, пейзаж обрисован скупой и нарочито небрежной. В то же время повествовательная техника позволяет представить повседневность как хаос, хтонический мир или лабиринт, в котором стираются естественные и биологические, но сохраняются социальные границы.

Улица, окутанная уже полумраком, представляла совершенную кашу из подвод, людей и лошадей; всё это располагалось зря, без всякого порядка, тискалось и сбивалось, уходя в грязь по колено и по ступицу; иная телега стояла прямо, другая поперёк; в одном месте голова лошади упиралась в воз, в другом – задние ноги животного тесно жались к соседним колёсам; трудно было понять, как всё это могло устаться таким образом; но ещё труднее было понять, как всё это разъедется, как отцепится одна ось от другой, как двинутся колёса без того, чтобы не переломать ноги бедным клячам [22. С. 49].

В таком описании можно усмотреть метафору исторического времени (достаточно вспомнить похороны «прошлых времен» в «Губернских очерках»): соответственно, *ожидание* парома, вынесенное в сильную позицию, – заглавие текста – может быть интерпретировано как осуществление такого события, которое бы поменяло социальные позиции, превратило бы бытовой хаос в космос [17, 23]. С этим ожиданием связана фабульная интрига, определяющая «ближний» горизонт читательских прогнозов¹.

Ответ на вопрос о социальной справедливости не сформулирован, но его решение обретается в компетенции второй повествовательной инстанции. Частное происшествие – остановка в пути из-за неудовлетворительного качества каната – возводится в нечто большее. Внешний хаос становится объектом индуктивного анализа.

«Отчего бы ему оборваться?.. – рассуждал я мысленно. – Отчего могло произойти всё это?.. надо думать, вот как было: конторщик или управитель какого-нибудь помещика купил дешёвенькие семена конопли (в расходной книге выставлены были, разумеется, семена первейшего сорта и самые дорогие): уроди-

¹ Аналогичную функцию выполняет вынесенный в экспозиции романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» вопрос: «Что, Петр, не видать еще?» [24. С. 7].

лась плохая конопель, из неё вышла плохая пакля; управитель или конторщик ловко подsunул её купцу-поставщику, который, в свою очередь, ловко подsunул её канатному фабриканту. Фабрикант начал вить из неё особенного рода дешёвенькие канаты, предназначенные на продажу лицам, не больно сведущим в деле верёвочного производства. Содержатель парома был не настолько дурак, чтобы покупать дорогой канат, когда под руками находится дешёвый. Авось сдержит! – думал он, не видя даже лично для себя никакой потери, в случае, если и не сдержит; народу, съезжающему к его перевозу, всё равно деваться больше ведь некуда, – хочешь не хочешь, переезжай здесь, а не в другом месте; ближе сорока вёрст в обе стороны нет парома: потери, следовательно, никакой нет для содержателя перевоза; бояться ему также нечего после предварительного переговора с мелкими властями». Восходя таким образом к источнику беспорядка, я мысленно говорил: «но отчего же, наконец, такая круговая порука взаимного надувательства и недобросовестности?.. Отчего же всё это?.. Отчего?..» [22. С. 49–50].

Логический анализ, характерный для обличительной прозы, выполняет в данном случае двойную функцию. На риторическом уровне он демонстрирует принцип *reductio ad absurdum*: действующая социально-экономическая модель объявляется нежизнеспособной, порождающие ее обстоятельства – несостоятельными. На нарративном уровне данная цепочка причин и следствий продолжает цепочку хаотических образов из экспозиции очерка – как в докучной сказке, эти последовательности сменяют друг друга, не позволяя движению рассказа затухнуть (таблица). Знаменательно, что приведенный выше фрагмент – один из немногих, где «звучит» самостоятельный голос рассказчика, свободный от диссонирующего и фальшивящего хора, организующего хаос бытовой жизни [16].

Нарративные позиции			
Роли	Странник	Логик	Слушатель
Функции	Активная		Пассивная
Репрезентация	Повествование	Обличение	Слушание
Структура	Монолог		Диалог
Тематические цепочки	Подводы, люди, лошади = хаос	Конторщик, управитель, фабрикант = причины и следствия	Мнения и аргументы = темы для разговора
Результат коммуникации			
Прагматика	Появление парома	← — — — — — → (изменение действительности невозможно)	Времяпрепровождение

Контраст этой неупорядоченности на внешнем уровне составляет изба бурмистра (куда пускают только купцов и помещиков), в которой и происходит встреча случайных собеседников. Заметим, что эта сцена (пародически и полемически) декорирована в духе славянофильской эстетики: перед читателем трое помещиков, сидя у стола, «уснащенного стаканами и блюдечками», рядом с самоваром, ведут беседу о судьбах народа. Не случайно

предметом обсуждения становится крестьянский вопрос, взятый в оптике литературы и искусства¹.

Переходя от одного вопроса к другому, мы невольно коснулись быта народа и нравственных его свойств. Мнения были очень различны; мы вообще так мало обращаем внимания на народ, так мало знаем его, что иначе быть не могло; перенравленные хорошие качества нашего простолюдия, мы пришли к его недостаткам; тут мнения ещё резче стали отличаться одно от другого. Одного более всего возмущала жадность к барышу, часто даже заглушающая совесть и религиозное чувство; другой нападал на отсутствие крепкого нравственного начала, на малодушие и бесхарактерность; маленький господин с жаром обвинял мужика в лени, которую часто даже прикладывает он к личным своим интересам. Хотя маленький господин, очевидно, увлекался собственными словами и чересчур горячился, суждения его показывали человека, не лишённого наблюдательности и много обращавшегося с народом [22. С. 54].

Перед читателем разворачивается фрагмент спора, отражающего основные направления полемики в русской публицистике изучаемого времени [23]. Но какой бы вклад в подготовку реформы 1861 г. ни внесли литература и журналистика, проект реформы и ее реализации были инспирированы юридическими инстанциями, далеко отстоящими от этого поля. Не исключено, что именно с этим связана идея Григоровича делегировать рассказывание обычным помещикам, далеким от литературы. Как отмечает В.П. Мещеряков, «писатель показывает, что в его героях не осталось ничего, кроме привычки к беспредметным разглагольствованиям, заимствованной у давно сошедших с общественной арены “лишних людей”» [3. С. 81]. Действительно, на первый взгляд такой прием связан с характерной мозаичностью рассказывания («Декамерон») и циклизацией [25] как способом создания художественной целостности («Серрапионовы братья» Э.Т.А. Гофмана, «Трактир в Шпессарте» В. Гауфа, «Русские ночи» В.Ф. Одоевского, повести И.С. Тургенева)². Однако на наш взгляд, повест-

¹ Григорович постоянно продолжал этот разговор, вынося его за пределы своих художественных текстов. Так, в одном из писем А.А. Краевскому он решительно отказывается от эстетического принципа «искусства для искусства»: «Я был всегда того мнения, против общих наших товарищей по литературе, что в настоящее время, при существующем общественном порядке, мало одного исключительно художественного элемента в литературе, искусство – наслаждение, искусство – забава, хорошенько отделанною повестью поиграть да и закрыть книгу. Литературе, принимаемой серьезно, необходимо прежде всего по мере возможности, разрабатывать серьезные вопросы, касаться общественных ран, осмеивать всякий беспорядок, ложь, неправду. Только такой повести или роману, которые верно поставят общественный вопрос и слитно его обрисуют, – такие только произведения могут иметь успех, особенно у нас, где именно книга – всевозможно возбуждает голос за и против» (Письмо б.д. 1856 г.) [26].

² В «Записках одного молодого человека» рассказчик также описывает своих колоритных попутчиков, но, пересказывая их пошлые разговоры, не «доверяет» им права голоса: «Офицер рассказывал с необычайною плодовитостью свои похождения в Москве, на Мещанской, с казарменным цинизмом, кричал в интервалах ужасным голосом: “Юрка, трубку!”, и бурным потоком слов обдавал каждого зрителя. Купец

вовательная структура очерка соответствует модели сократического диалога: такой форме майевтической коммуникации, которая, будучи направленной на поиск и обретение нового онтологического или социального знания, в то же время заключает в себе риск коммуникативной неудачи [28].

В этом отношении показательны три истории, которыми иллюстрируются тезисы собеседников. Рассказанные происшествия имеют в большей мере иллюстративный характер: как и в «Путешествии из Петербурга в Москву», они на новом повествовательном уровне демонстрируют социальное неустройство. Знаменательно при этом, что каждая история или анекдот из народной жизни имеет отчетливый интертекстуальный след, ведущий как к предшествующим текстам Григоровича (равно как переправа на пароме отсылает к одному из эпизодов «Антон Горемыки», так и к прецедентным текстам русской литературы). При этом странствующий помещик, соотносимый с писателем, не занимает сколько-нибудь активной позиции: как и путешественник в «Герое нашего времени» или рассказчик в «Записках охотника», он делегирует это право своим собеседникам.

Первая история трагической страсти, вспыхнувшей между выселовским мужиком Яковом и солдаткой Марфуткой, восходя к сюжету *неразделенная любовь*, обнаруживает двойное цитирование. Эта фабульная схема в том же обрамлении используется Григоровичем в его повести «Антон-горемыка». Молчаливый герой Григоровича слышит историю: смиренный, работающий парень Петруха становится разбойником и попадает в острог из-за солдатки из Комарева. Здесь с незначительными вариациями угадываются основные фабульные звенья и мотивы новеллы Проспера Мериме «Кармен» (трагическая пара Хосе и Кармен эквивалентна паре крестьянин – солдатка; любовь понимается как болезнь, лишаящая любовника воли, толкающая его на путь разбоя и насилия; в обоих случаях крестьянин оказывается в остроге¹). В рассматриваемом очерке эта цитата обнажена: Яков, в отличие от Петрухи, убивает свою возлюбленную. Служа иллюстрацией к тезису о страстях и чувствах, рассказанная история корректирует карамзинскую максиму: «и крестьянки любить умеют», демонстрируя в «естественном человеке» антиидиллическую потребность к утолению животной страсти.

ревельский, чрезвычайно похожий на Приапа, был в восторге от геройских подвигов господина офицера и только с чувством глубокой грусти иногда говорил, качая головой: “Хорошо иметь эполеты, а вот наш брат...” Офицер самодовольно поглаживал усы после такого замечания еще громче кричал: “Юрка, трубку!”...» [27. С. 105].

¹ В свою очередь, сюжет Мериме восходит к роману де Прево [29], прямо цитируемому в тексте: «С нашей пошлой привычкой судить легко или ругинно о нравственных свойствах простого класса я верить не хотел в искренность Якова; я не предвидел, чем всё это могло кончиться; напротив, хотя было не до смеху, – мне смешным казался этот новый кавалер Де Гриё, явившийся у меня в выселках» [22. С. 58]. Отметим, что в этом поиске крестьянского джентльмена (не исключено, что в пародийном ключе) отражается характерология Тургенева, представленная в «Записках охотника» (Хорь и Калиныч как Сократ и Шиллер; Василий Васильевич – как провинциальный Гамлет).

Вторая история, построенная на том же сюжете, мотивирована общей задачей: «Хотите слушать? Ведь всё равно в ожидании паромов нам нечего делать...» [22. С. 68]. Рассказывание ставится в один ряд с *болтовней*, т.е. говорением ради говорения, не имеющим других целей воздействия на эмпирическую социальную действительность [30].

Маленький господин с плутоватыми глазками сообщает о событии, имеющем обобщенный характер (герои лишены имен, на первый план выдвинуты социальные функции: *девка, купчик, мать*). Как и в первом рассказе, используя хорошо опознаваемый сюжет (ранее им использованный в рассказе «Мать и дочь»), Григорович меняет координаты карамзинского сюжета о Бедной Лизе, контаминируя его с мотивами «Фауста». Сворачивая девушка (крестьянская Гретхен) выступает объектом насилия (психологического – со стороны матери и приказчика (Мефистофеля) и реального – со стороны купчика (Фауста)), не имея собственной воли. Несмотря на многократно скомпрометировавший себя сюжет («отыскалась – на дне пруда, который тянулся за деревней...»), Григорович вновь актуализирует его.

Две реакции слушателей: возмущенная и сочувственная – демонстрируют «эмоциональные режимы» воображаемого читателя. Третья, заключительная, история (описание ссор двух помещиков) на первый взгляд диссонирует с двумя предыдущими. Рассказчик сразу же расписывается в своей беспомощности: «Я рассказываю плохо, но вы простите неловкость, мешковатость слога за смысл», указывая на исчерпанность затронутой темы: «К тому же я нахожу, мы довольно уже говорили о мужиках... Кроме того, всё, что ни говорилось, проникнуто было каким-то мраком, чем-то диким, грубым, необузданным... Для разнообразия расскажу историю из другого быта». Рассказываемая история опознается слушателями и читателем как вариация на тему гоголевской прозы: «...вражда, существовавшая некогда между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем Гоголя, ровно ничего не значит против той, которая существует между Кондеем Ильичом и Михаилом Васильичем» [22. С. 75]. Рассуждение об этом сюжете приводит собеседников к разговору о феномене «Мертвых душ» – для Григоровича, в начале 1850-х гг. выступившего продолжателем и подражателем Гоголя в романе «Проселочные дороги», этот сюжет был особенно важен [28]. Показательно и то, что третья история, подобно «Ивану Федоровичу Шпоньке и его тетушке», остается незавершенной: маленький господин тем самым уподобляется почтмейстеру из «Мертвых душ», а его рассказ – «Повести о капитане Копейкине».

Очевидность аллюзий и реминисценций сужает горизонт читательских ожиданий, позволяя увидеть в использовании трех опознаваемых фабул механизмы пародирования. С одной стороны, это касается пейзажного оперно-водевильного изображения крестьянина; с другой – затрагивает его чувствительное (сентиментальное) изображение. Показывая, что эти курсы известны любому образованному человеку (не только литератору), Григорович (который после «Пахатника и бархатника» прекратит работу

над этой темой) демонстрирует фабульную и сюжетную исчерпанность литературы из народного быта. Как и журнальные повести и рассказы о крестьянах, все три истории существуют сугубо в гедонистической плоскости, рассказываются для удовольствия, сокращения времени и не могут стать чем-то большим – проектом по исправлению действительности. Поэтому наступление события, отсроченного началом произведения, как бы перечеркивает значение трех рассказов¹.

Минуту назад троих из нас тесно как будто связала одна общая мысль; мы невольно тянулись внутренне друг к другу; силою этой мысли чувствовали друг к другу что-то близкое, родственное; один миг, одно слово, одно пустое восклицание: «паром пригнали», – и всё это сродство так же неизгладимо исчезло, как дым, когда дунет ветер; мы были уже чужими, перестали существовать даже один для другого; самая мысль, которая сродняла нас, была забыта. У всех была теперь одна мысль: как бы опередить друг друга, поспеть скорее на паром и занять там удобное, покойное место [22. С. 84].

Тем самым реализуется модель не идеального, а реального сократического диалога, который, как известно, заканчивается бегством собеседника, символизируя тотальную невозможность обретения истины. Кольцевая композиция при этом замыкает происходящее в тесные рамки *события не-события* [29]: оно окончательно сводит к нулю рассказывание и слушание как ценностный процесс, выводя на первый план явления повседневности², в которых отчетливо прочитываются идеи сент-илеровского и дарвинистского социального устройства [30].

Известие о приходе парома привело улицу в сильное движение. Посреди непроницаемого мрака бурной, ненастной ночи раздавались крики, брань, скрип телег и нескончаемое шлёпанье по лужам; всё рвалось к реке; беспорядок был невообразимый. С помощью локтей, иногда даже пинков, мы подвигались, однако ж, благополучно. Никто из нас не думал теперь о бедном мужике, который стоял под дождём; никому уже в голову не приходило уступить этому мужику то место на пароме, которого ждал он несколько суток, – каждый из нас, без сомнения, встретил бы с насмешкою и негодованием того, кто не шутя, сделал бы нам такое предложение. А сколько между тем истинного, неподдельного жара было в словах господина в коричневом пальто! Как горячо мы ему сочувствовали и готовы были распинаться за наши убеждения! Какой же толк в этом жаре и убеждениях?

¹ Заметим, что эффект наложения диегезиса и экзегезиса, демонстрируемый анафорическими конструкциями: «– **Ваше превосходительство**, где же справедливость?.. чем же я виноват, что у меня тело крепкое и знаков не остаётся?.. {Д};

– **Ваше благородие**, паром пригнали!..– неожиданно прокричал бородастый хозяин избы, появляясь в дверях... {Э}» [22. С. 83], в дальнейшем будет использовать Толстой в «Войне и мире»: «– Да, **сопрягать** надо, пора **сопрягать** {Д}.

– **Запрягать** надо, пора **запрягать**, ваше сиятельство! Ваше сиятельство, – повторил какой-то голос, – **запрягать** надо, пора **запрягать**... {Э}» [31. С. 189].

² Аналогичный обрыв наррации используется в «Гамлете Щигровского уезда» И.С. Тургенева.

Первым нашим делом, как только вошли мы на паром, было сунуть скорее перевозчикам денег, чтобы они поскорее только отчаливали (в этом случае мы действовали, надо сказать, с замечательным единодушием, и снова, казалось, одна общая мысль нас на секунду связала). Причал ловко отняли, и мы благополучно отвалили от берега [22. С. 84–85].

Таким образом, сюжет очерка затрагивает *народ* и *народность* как социальное воображаемое [6, 23, 32]: ни один из собеседников (включая рассказчика) не обладает должной эмпатией, чтобы перейти от обсуждения к действию (*мужичонко* становится предметом обсуждения, но не субъектом помощи и поддержки). Подобная ситуация складывается и в процессе чтения: писатель и читатель объединены общей гуманистической интенцией, однако она ограничивается временем чтения и не переходит в эмпирическую действительность¹.

В этом тотальном пессимизме и неверии в гуманистический проект по исправлению мира² предвосхищается скептицизм поэзии Н.А. Некрасова первой половины 1860-х гг., очерковой прозы Г.И. Успенского и А.И. Левитова [11, 32, 34]. Наиболее рельефно такая модель, правда, выходящая далеко за пределы описания какой-либо одной общественной страсти, представлена в маленькой трилогии А.П. Чехова. Случайные собеседники, оказавшиеся под одной крышей, как и в очерке Григоровича, делятся историями и переживаниями, однако рассказывание, взятое само по себе, не способно преобразить мир и изменить действительность³.

¹ Такой дефект неэмпатичного чтения неоднократно отмечал в своих экспозициях Бальзак: «Вроде этого поступите и вы: взяв эту книгу холеной рукой, усядетесь поглубже в мягком кресле и скажете: "Быть может, это развлечет меня?", а после, прочтя про тайные отцовские невзгоды Горио, покушаете с аппетитом, бесчувственность же свою отнесете за счет автора, упрекнув его в преувеличении и осудив за поэтические вымыслы. Так знайте же: эта драма не выдумка и не роман. All is true, – она до такой степени правдива, что всякий найдет ее зачатки в своей жизни, а возможно, и в своем сердце» [5. С. 34]. «Après avoir lu les secrètes infortunes du père Goriot, vous dînez avec *appétit en mettant votre insensibilité sur le compte de l'auteur, en le taxant d'exagération, en l'accusant de poésie*. Ah ! sachez-le : ce drame n'est ni une fiction ni un roman. All is true, il est si véritable, que chacun peut en reconnaître les éléments chez soi, dans son cœur peut-être».

² Знаменательно, что в инвективе, направленной против «Современника», Герцен обвинял журнал в том, что как раз становилось объектом критической рефлексии в очерке Григоровича: «Суровая картина какого-нибудь "Перевоза", с телегами в грязи, с разоренными мужиками, смотрящими с отчаянием на паром и ждущими день, и другой, и третий, вас не может столько занять, как длинная Одиссея какой-нибудь полузаглушенной, делящейся природы, которая тянется, соловеев, рассыпается в одни бессмысленные подробности» [33. С. 436].

³ Приведем только хрестоматийную цитату из «Человека в футляре»: «– Видеть и слышать, как лгуг, – проговорил Иван Иванович, поворачиваясь на другой бок, – и тебя же называют дураком за то, что ты терпишь эту ложь; сносить обиды, унижения, не смеешь открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться, и всё это из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишка, которому грош цена, – нет, больше жить так невозможно!

– Ну, уж это вы из другой оперы, Иван Иванович, – сказал учитель. – Давайте спать.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что социологическое прочтение очерка не исчерпывает возможных его интерпретаций, сужая их спектр, в то время как обращение к нарративным и дискурсивным особенностям произведения позволяет увидеть в его структуре историософские и метаповествовательные элементы.

Список источников

1. Серман И.З. Проблемы реализма русской литературы XIX века. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. 412 с.
2. Отрадин М.В. Григорович и Кольцов: К проблеме народного характера в русской литературе 40-х годов XIX века // Вестник Ленинградского университета. 1982. Вып. 1. № 2. С. 38–45.
3. Мещеряков В.П. Григорович: писатель и искусствовед. М., 1985. 176 с.
4. Журавлева А.И., Некрасов В.Н. Григорович в русской литературе // Григорович Д.В. Сочинения : в 3 т. Т. 1. М., 1988. С. 5–36.
5. Бальзак О. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 3 : Сцены частной жизни. Сцены деревенской жизни. М. : Правда, 1960. 503 с.
6. Вдовин А.В. «Неведомый мир»: русская и европейская эстетика и проблема репрезентации крестьян в литературе середины XIX века // Новое литературное обозрение. 2016. Т. 146. № 5. С. 287–315.
7. Crummy M.I. Mythologizing the Peasant: Social Control in Honoré de Balzac's Scènes de la vie de campagne and in George Sand's Pastoral Novels: Ph.D. dissertation. Stanford University, 1992. 303 p.
8. Reid R. «Realism Revisited: Familial Discourse and Narrative in Balzac's Les Paysans» // Modern language notes. 1988. № 103. Vol. 4. P. 865–886. <https://doi.org/10.2307/2905021>
9. [Григорьев А.А.] Русская литература в 1851-м году // Москвитянин. 1852. № 3. С. 53–94.
10. Письмо Д.В. Григоровича И.И. Панаеву – без подписи и даты // ОР РНБ. Ф. 560. Оп. 1. Ед. хр. 5.
11. Печерская Т.И. Феномен культурной экспансии разночинцев 1860-х годов: литературная ниша «писатель-народник» // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 263–278.
12. П. А-в [Анненков П.В.] Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году // Современник. 1854. № 2. С. 1–22.
13. [С.С. Дудышкин] Русская литература // Отечественные записки. 1852. № 3. С. 67–68.
14. Письмо Д.В. Григоровича А.А. Краевскому – 28 апреля 1852-го года // ОР РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 300.
15. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Г.К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
16. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. С. 447–483.
17. Тюпа В.И. Автор и нарратор в истории русской литературы // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 22–39.

И минут через десять Буркин уже спал. А Иван Иванович всё ворочался с боку на бок и вздыхал, а потом встал, опять вышел наружу и, севши у дверей, закурил трубочку» [35. С. 52]. Иное рассказывание и иной его результат представлены в рассказе «Студент», который, несмотря на свой лаконизм, провоцирует взаимоисключающие интерпретации [36, 37].

18. Журавлева А.И. Кое-что из былого и дум: О русской литературе XIX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013. 262 с.
19. Тимакова А.А. Эпическое изображение действительности как отличительная черта народного романа Д.В. Григоровича // Известия Пензенского государственного университета им. В.Г. Белинского. 2007. № 3. С. 170–174.
20. Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века : дис. ... д-ра филол. наук. Кострома, 2017. 451 с.
21. Асоян А.А. «Почтите высочайшего поэта»: судьба «Божественной комедии» Данте в России. М., 1990. 220 с.
22. Григорович Д.В. В ожидании паромы // Собр. соч. : в 3 т. Т. 2. М., 1988. С. 47–85.
23. Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование / отв. ред. М. Вайсман, А.В. Вдовин, И. Клигер, К.А. Осповат. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 720 с.
24. Тургенев И.С. Отцы и дети // Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М., 1981. Т. 7. С. 7–188.
25. Киселев В.С. Метатекст как тип художественного целого (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 184–190.
26. Письмо Д.В. Григоровича А.А. Краевскому – без даты 1856-го года // ОР РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 300.
27. Герцен А.И. Записки одного молодого человека // Собр. соч. : в 30 т. М., 1954. Т. 1. С. 5–288.
28. Козлов А.Е. Рефлексия и нарратив в «романе без интриги» Д.В. Григоровича «Проселочные дороги» // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 5–11.
29. Луков В.А. Мериме: Исследование персональной модели литературного творчества. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 110 с.
30. Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Текст пространства: материалы к словарю. Тверь : СФК-офис, 2014. 368 с.
31. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 3 // Собр. соч. : в 90 т. Т. 11. М., 1940. 466 с.
32. Vdovin A., Zubkov K. New Approaches to Representations of Peasants in Russian Literature. Introduction // Russian literature. 2021. Vol. 119. № 1. P. 7–14.
33. Герцен А.И. Very Dangerous! // Собр. соч. : в 30 т. М., 1954. Т. 6. С. 435–437.
34. Ogden A. The Impossible Peasant Voice in Russian Culture: Stylization and Mimicry // Slavic Review. 2005. Vol. 64. № 3. P. 517–537.
35. Чехов А.П. Человек в футляре // Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М., 1977. Т. 10. С. 42–54.
36. Фрайзе М. Проза Антона Чехова. М. : Флинта: Наука, 2012. 376 с.
37. Шмид В. Нарратология. М. : ЯСК, 2003. 212 с.

References

1. Serman, I.Z. (1961) *Problemy realizma russkoy literatury XIX veka* [Problems of Realism in Russian Literature of the 19th Century]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Otradin, M.V. (1982) *Grigorovich i Kol'tsov: K probleme narodnogo kharaktera v russkoy literatury 40-kh godov XIX veka* [Grigorovich and Koltsov: On the problem of folk character in Russian literature of the 1840s]. *Vestnik Leningradskogo universiteta*. 2 (1). pp. 38–45.
3. Meshcheryakov, V.P. (1985) *Grigorovich: pisatel' i iskusstvoved* [Grigorovich: Writer and Art Critic]. Moscow: Nauka.
4. Zhuravleva, A.I. & Nekrasov, V.N. (1988) Grigorovich v russkoy literature [Grigorovich in Russian Literature]. In: Grigorovich, D.V. *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–36.

5. Balzac, H. de. (1960) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Pravda.
6. Vdovin, A.V. (2016) “Nevedomyy mir”: russkaya i evropeyskaya estetika i problema reprezentatsii krest'yan v literature sereдинy XIX veka [“The Unknown World”: Russian and European Aesthetics and the Problem of Representation of Peasants in the Literature of the Middle of the 19th Century]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5 (146). pp. 287–315.
7. Crummy, M.I. (1992) *Mythologizing the Peasant: Social Control in Honoré de Balzac's Scènes de la vie de campagne and in George Sand's Pastoral Novels*. Ph.D. Dissertation. Stanford.
8. Reid, R. (1988) “Realism Revisited: Familial Discourse and Narrative in Balzac's Les Paysans”. *Modern language notes*. 103 (4). pp. 865–886. DOI: 10.2307/2905021
9. Grigor'ev, A.A. (1852) Russkaya literatura v 1851-m godu [Russian literature in 1851]. *Moskvityanin*. 3. pp. 53–94.
10. Manuscripts Department of the National Library of Russia (OR RNB). Fund 560. List 1. Item 5. Grigorovich, D.V. (n.d.) *Pis'mo I.I. Panaevu – bez podpisi i daty* [A Letter to I.I. Panaev – without signature and date].
11. Pecherskaya, T.I. (2020) Fenomen kul'turnoy ekspansii raznochintsev 1860-kh godov: literaturnaya nisha “pisatel'-narodnik” [The Phenomenon of the Cultural Expansion of Raznochintsy in the 1860s: the Literary Niche of the “Narodnik Writer”]. *Kritika i semiotika*. 1. pp. 263–278.
12. A-v, P. [Annenkov, P.V.]. (1854) Romany i rasskazy iz prostonarodnogo byta v 1853 godu [Novels and stories from common life in 1853]. *Sovremennik*. 2. pp. 1–22.
13. Dudyshkin, S.S. (1852) Russkaya literatura [Russian literature]. *Otechestvennye zapiski*. 3. pp. 67–68.
14. Manuscripts Department of the National Library of Russia (OR RNB). Fund 391. Item 300. Grigorovich, D.V. (1852) *Pis'mo A.A. Kraevskomu* [A Letter to A.A. Kraevsky]. 28 April.
15. Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Translated from French by G.K. Kosikov. Moscow: Progress.
16. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Research of different years]. Moscow: Khud. lit. pp. 447–483.
17. Tyupa, V.I. (2020) Avtor i narrator v istorii russkoy literatury [Author and Narrator in the History of Russian Literature]. *Kritika i semiotika*. 1. pp. 22–39.
18. Zhuravleva, A.I. (2013) *Koe-chno iz bylogo i dum. O russkoy literature XIX veka* [Something from the Past and Thoughts. On Russian literature of the 19th century]. Moscow: Moscow State University.
19. Timakova, A.A. (2007) Epicheskoe izobrazhenie deystvitel'nosti kak otlichitel'naya cherta narodnogo romana D.V. Grigorovicha [The epic depiction of reality as a distinctive feature of the folk novel by D.V. Grigorovich]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.G. Belinskogo*. 3. pp. 170–174.
20. Andreeva, V.G. (2017) *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroy poloviny XIX veka* [National originality of the Russian novel of the second half of the 19th century]. Philology Dr. Diss. Kostroma.
21. Asoyan, A.A. (1990) “Pochtite vysochayshego poeta”: sud'ba “Bozhestvennoy komedii” Dante v Rossii [“Honor the Highest Poet”: the fate of Dante's Divine Comedy in Russia]. Moscow: Kniga.
22. Grigorovich, D.V. (1988) V ozhidanii paroma. In: Grigorovich, D.V. *Sobranie sochineniy*. [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 47–85.
23. Vaysman, M. et al. (eds) *Russkiy realizm XIX veka: obshchestvo, znanie, povestvovanie* [Russian Realism of the 19th Century: Society, knowledge, narration]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

24. Turgenev, I.S. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 7. Moscow: Nauka. pp. 7–188.
25. Kiselev, V.S. (2004) The metatext as the artistic whole's type (to the problem's standing). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 282. pp. 184–190. (In Russian).
26. Manuscripts Department of the National Library of Russia (OR RNB). Fund 391. Item 300. Grigorovich, D.V. (1856) *Pis'mo A.A. Kraevskomu* [A Letter to A.A. Kraevsky].
27. Herzen, A.I. (1954) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: USSR AS. pp. 5–288.
28. Kozlov, A.E. (2017) Reflection and narration in D.V. Grigorovich's country roads, a novel without an intrigue. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 421. pp. 5–11. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/1
29. Lukov, V.A. (2006) *Merime: Issledovanie personal'noy modeli literaturnogo tvorchestva* [Merimee: The study of the personal model of literary creativity]. Moscow: Moscow University for the Humanities.
30. Milyugina, E.G. & Stroganov, M.V. (2014) *Tekst prostranstva: materialy k slovaryu* [Space Text: Materials for the dictionary]. Tver: SFK-ofis.
31. Tolstoy, L.N. (1940) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 11. Moscow: GIKhL.
32. Vdovin, A. & Zubkov, K. (2021) New Approaches to Representations of Peasants in Russian Literature. Introduction. *Russian literature*. 1 (119). pp. 7–14.
33. Herzen, A.I. (1954) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: USSR AS. pp. 435–437.
34. Ogden, A. (2005) The Impossible Peasant Voice in Russian Culture: Stylization and Mimicry. *Slavic Review*. 3 (64). pp. 517–537. DOI: 10.2307/3650140
35. Chekhov, A.P. (1977) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 10. Moscow: Nauka. pp. 42–54.
36. Freise, M. (2012) *Proza Antona Chekhova* [Prose of Anton Chekhov]. Moscow: Flinta Nauka.
37. Schmid, W. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Translated from German. Moscow: YaSK.

Информация об авторе:

Козлов А.Е. – канд. филол. наук, научный сотрудник ИФЛ СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.E. Kozlov, Cand. Sci. (Philology), researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.03.2020;
одобрена после рецензирования 14.05.2022; принята к публикации 12.01.2023.*

*The article was submitted 10.03.2020;
approved after reviewing 14.05.2022; accepted for publication 12.01.2023.*